СМЕРШ –
спецназ Сталина
РЫЦАРЬ
ОРДЕНА НКВД
Сергей Зверев

Сергей Иванович Зверев

Рыцарь ордена НКВД

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25573078
Рыцарь ордена НКВД / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-99334-5

Аннотация

Осень 1941 года. Враг у стен Москвы. Основные предприятия и учреждения эвакуированы в Горький, где формируется новый рубеж обороны. Чтобы посеять панику и помешать выпуску военной продукции, фашисты забрасывают в наш тыл хорошо подготовленных диверсантов. Борьбу с ними ведут части НКВД под командованием майора госбезопасности Василия Ясного. Опытный чекист понимает: мало выявить и уничтожить мелкие группы врага, важнее перехватить стратегическую инициативу. С этой целью Ясный создает специальную группу и начинает вести с фашистами тонкую радиоигру…

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	70
Глава 9	83
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей Зверев
Рыцарь ордена НКВД

В основе этой книги лежат воспоминания одного из легендарных контрразведчиков СССР генерал-лейтенанта Василия Степановича Рясного. Вместе с тем произведение носит художественный характер и не может восприниматься как исторический документ.

Глава 1
Басмачи и дехкане

– Ну выйди, поговорить надо. – В голосе пузатого басмача в халате и папахе из бараньей шкуры звучала безнадежная тоска вперемешку с тщетной надеждой.

– Мне и здесь неплохо, – беззаботно отмахнулся Василий Ясный, взирая на блюдо с пловом и прикидывая, как бы его одолеть.

– Ну сколько ты там сидеть будешь? – уже почти канючил толстый главарь банды.

– Хоть до глубокой старости. Спасибо хозяину этого благословенного дома за его великодушное гостеприимство…

Нарвался на банду секретарь райкома комсомола Ясный, когда в военной гимнастерке и галифе, на вороном коне, с наганом в кобуре метался по кишлакам, поднимая комсомольцев на подвиги, агитируя против баев и басмачей.

Похоже, в последнем кишлаке находился кто-то из вражеских пособников, потому что, когда комсомольский вожак скакал в направлении Теджена вдоль берега реки с таким же названием, его ждали. Десяток конных бандитов выехал прямо на него. Предводитель что-то заорал, взмахнув английским карабином. Но Ясный слушать не стал, а только пришпорил коня. Басмачи устремились следом. Грохнул

выстрел, но пуля прошла в стороне. В него и не хотели попасть. Его хотели взять живым. И устроить показательную казнь комсомольца, столь убедительно смущающего умы не только молодежи, но и почтенных дехкан.

Место они выбрали хорошее. Справа река с камышами. Слева тянутся засеянные поля. Дальше виднеется кишлак, но туда проклятый комсомолец не двинет – знает, что поселение басмаческое, где каждый мужчина сам в банде или его родственники бьются с неверными. Оставалось жертве скакать в пустыню, а там его конь уступит горячим басмаческим скакунам. Или пуля догонит. Там у него шансов нет.

Ясный знал, что сдаваться нельзя. Насмотрелся, как обращаются басмачи с пленными. И еще знал, что будет биться до последнего. И оставит в барабане один патрон – для себя. Но пока он еще жив. И может победить.

И он сделал то, чего никак не ожидали преследователи. Пришпорил уже выдыхающегося коня и устремился в бандитский кишлак.

Обогнав немножко преследователей, он ворвался в кишлак. И припустил к самому богатому глинобитному дому, окруженному садом. Там, по идее, должен жить самый важный бай.

Василий спрыгнул с коня перед удивленными хозяевами дома, крикнул:

– Позаботься!

Сунул уздечку в руку чумазому пацану. И тут же рванул

на порог с криком:

– Я ваш гость!

И вот теперь он уже третий день важно восседает, как бай, на ковре, вокруг него крутятся домочадцы хозяина-басмача, ненавидящие гостя всеми фибрами души. Чай, плов, фрукты – все это несут постоянно с видом «чтоб ты подавился». Но несут и находят силы улыбаться. Потому что гость священен. Его нужно кормить, защищать, не давать в обиду. Такова древнейшая и самая прочная традиция этих мест.

А бандиты сидят кружком у дома, облизываются, как голодные псы, перед носом которых машут куском мяса, но кусать не дают.

Время от времени басмачи предпринимали тщетные попытки уговорить русского шайтана выйти, поговорить с ними по душам, чтобы тот объяснил перспективы строительства советской власти. Но трюк был наивный – за порогом дома Ясный переставал быть гостем и превращался в неверную собаку.

Все это продолжалось уже третий день. Василия интересовало, сколько времени понадобится басмачам, чтобы забыть об обычаях. Это был вопрос жизни и смерти.

Несмотря на то что положение казалось безвыходным, как все молодые и горячие, он в свою смерть не верил. Был убежден, что жить ему долго, счастливо, и он своими глазами увидит тот мир, для которого не жалел крови и пота.

Василий Степанович Ясный родился в Самарканде в се-

мье железнодорожного рабочего. Учился в Ашхабадском железнодорожном училище, когда грянула революция и пацанам сказали, что они могут принять участие в строительстве нового справедливого мира. В 1919 году в пятнадцать лет вступил в комсомол. И всеми правдами и неправдами добился призыва в Красную армию, ушел очищать Туркестан от белогвардейцев и английских интервентов. Как грамотного и молодого, его назначили писарем в Политотдел Первой армии, где он со знанием туркменского языка участвовал в формировании частей из туркмен, а потом и воевал вместе с ними на фронте. Когда закончились бои, его направили в Тедженский военкомат для участия в работе по советизации уезда, борьбе с басмачеством. Там он организовывал добровольные отряды милиции из коренной молодежи, бился с бандами, был заместителем командира отряда частей особого назначения по борьбе с бандитизмом. Руководил продотрядом, чтобы не дать умереть с голоду городам. А когда прошел в Ташкенте курсы комсомольских работников, его вызвал руководитель ЦК комсомола Туркестана и объявил:

– Назначаешься секретарем комитета комсомола в Тедженский уезд.

– Там же комсомольцев нет! – воскликнул Ясный.

– Как нет? А ты?

Так началась его беспокойная жизнь комсомольского агитатора и главаря. Это был его родной уезд – самый южный,

засушливый и большой в Туркменистане. Там жило оседлое население с древними традициями, воспитанное веками покорностью баям и эмирам. Нужно было его встряхнуть. Показать новый путь. А вместе с тем решать вопросы земли, воды, восстановления хозяйства.

В Туркестане разгоралось басмаческое движение. В Бухаре бесчинствовали банды бывшего турецкого военного министра Турции Энвер-паши, которого басмаческие курбаши объявили главнокомандующим всеми освободительными силами Средней Азии. В Тедженский район банды приходили из Персии и пополнялись местными дехканами, многих из которых зазывали в свои ряды под угрозой смерти. Басмачи нападали на села, убивали советских работников, отрезали им головы и сдирали кожу.

В этих условиях Ясный бесстрашно мотался по всему уезду на своем верном коне. Находил сторонников. Создавал комсомольские ячейки. И честно заработал уважение друзей, союзников и ненависть врагов. Его много раз пытались убить басмачи. И сейчас были как никогда близки к этому.

– Ну выйди, поговорим. Мы тебя выслушаем, – опять заканючил главарь.

Даже жалко его стало. Ясный кинул на него взгляд в окно. И невольно залюбовался. Сколько видел басмачей в Туркестане, но туркмены – самые статные. Взять узбекского басмача – он тяжело тащится пешком, плечо сгибает увесистое английское ружье. А туркмены – бравые молодцы в халатах

и шапках, на конях сидят так, как будто родились в седле. Просто загляденье. Одно плохо – они враги. Хотя бывает так, что враги становятся друзьями. Многие банды переходили на сторону советской власти, занимали места во властных структурах и бились с бывшими соратниками. Восток – тут все очень сложно. Традиции, родоплеменные связи, кровная вражда, ну, и дружба – тоже кровная. Все запутано и странно кажется со стороны, но тот, кто понимает эту землю, прикипает к ней всем сердцем.

– Я тут пока поживу, – крикнул Ясный в окно и принялся за плов.

Так много он не ел никогда. Хозяева выложили все запасы…

На четвертый день, когда горячее майское солнце было в зените и выжигало все вокруг, басмачи неожиданно заголосили, запрыгнули на лошадей и унеслись прочь. В кишлак въезжали конные красноармейцы, проверявшие сведения о шалящих в округе бандитах.

Ясный церемонно поблагодарил хозяев за гостеприимство. И вышел из дома.

У него было еще много забот…

Это был лишь один день из бесконечной череды, когда бурлит кровь, когда ты сроднился с риском. Когда тебя гонит вперед ощущение, что именно на тебе лежит ответственность изменить мир к лучшему.

Текли годы в бесконечной борьбе, в напряжении всех мо-

лодых сил. Ясного, действовавшего умело и надежно, бросали на новые участки работы. Ему было восемнадцать, когда он вступил в партию. И уже в качестве заместителя секретарей различных райкомов партии проводил земельную и водную реформы. Отвечал за продналог. Боролся с баями. Укреплял власть – иногда твердостью, иногда компромиссом. Но главное – всегда умел находить общий язык с народом. Он любил и понимал этих людей. Мудрых и наивных, добрых и жестоких. Доносил до них свою правду.

И с басмачами еще встречался не раз. Свист пуль, сабельная сшибка, секунда страха, а потом отчаяние боя – все это стало привычным.

Его лихость подчас толкала на авантюры. Однажды он стал источником международного скандала.

В 1926 году советская власть уже достаточно окрепла. Но снабжаемые англичанами оружием и снаряжением банды приходили в Туркмению с территории сопредельных государств, чинили расправы над неугодными, убивали сторонников новой власти и уходили.

Ясному было отлично известно, в каком приграничном городе базировались и подкармливались басмачи. После очередного их налета он собрал в одном городке сход местных жителей и задал вопрос:

– Долго терпеть будем? Граница – вот она. И кто удержит наш гнев? Ну как, дехкане?

Собрался приличный отряд. И пошли в Персию с вопро-

сом – доколе. Пришлось пострелять и погромить немножко. Привели на народный суд оттуда нескольких басмачей. И налетов сразу стало меньше. Зато появилась дипломатическая нота о нарушении границы.

Вызвали тогда Ясного в ЦК компартии Туркменистана. Сдвинув сурово брови, допрашивал его сам первый секретарь Шаймардан Ибрагимов. А виновник скандала только пожимал плечами:

– Я тут при чем? Это же народный гнев. Эти бандиты надоели всем. Месть. Народные традиции.

– Говорят, тебя видели в толпе в Персии, – наигранно сурово давил первый секретарь.

– Меня? Ошиблись. Меня там не было.

Все прекрасно всё понимали. Первый секретарь знал специфику республики гораздо лучше МИДа и осознавал, что тут нужно отвечать силой на силу. Поэтому тихо спустил все на тормозах. А Ясный пошел на повышение. Стал членом ЦК. Рос уровень задач. Мелькали в диком калейдоскопе годы.

Он понимал, что ему не хватает двух вещей: семьи и образования. Его всегда тянуло к знаниям, поглощал их как губка, читал много, но нуждался в системном обучении.

Жену он нашел в 1928 году в Душанбе. Миниатюрная, красивая, очень умная, из рабочей семьи, Лена в свое время окончила гимназию. В царской России осуществлялась программа по выявлению одаренных детей среди низших слоев

общества и бесплатному их гимназическому обучению. Так умная, охочая до знания девушка получила хорошее образование. Когда Ясный увидел ее, между ними сразу пробежала искра. Не раз он благодарил потом Бога за то, что тот послал ему такую верную, понимающую жену, ставшую надежной опорой большой семьи. В 1929 году у них родилась дочка.

С семьей сложилось отлично. А что делать с образованием? Ясный всегда интересовался историей, традициями Востока и твердо решил поступать в Московский институт востоковеденья имени Нариманова.

Нехотя, но согласие ему руководство ЦК дало.

«Строго секретно. ЦК КП(б) Туркменистана. Ашхабад.

Выписка из Протокола № 40 Заседания ЦК КП (б)Т от 20 июля 1931 года.

О характеристике т. Ясного В. С. для Института востоковедения.

Утвердить следующую характеристику.

Тов. Ясный Василий Степанович, член ВКП(б) с 1922 года, в Туркмении работает с 1921 года на ответственной комсомольской работе, на советской работе в качестве заместителя председателя райисполкома Серахского района, на партийной работе зав. орготделами ряда райкомов, заворгом Киркинского окружкома и в последнее время заворготделом наиболее крупного Барам-Алийского района. Четвертым и Пятым съездами КП(б)Т избирался в состав ЦК Туркменистана.

Дисциплинирован. Политически устойчив. Теоретически развит. Хороший растущий практически работник».

Казалось, все решено. Но в ЦК начали тянуть резину и не давать перевода.

Ясный уже успел сдать экзамены в Институт востоковедения. Выездную приемную комиссию удивило, что человек обладает приличными знаниями, хотя трудился на такой работе, которая не давала много времени для подготовки. Студенческая книжка, можно сказать, в кармане. А дальше – постижение скрытых тайн Востока. Сладостное предвкушение…

И все это было разбито в миг. Его вызывали в ЦК, и второй секретарь произнес:

– Институт Востока – это, конечно, хорошо. Только стране нужны руководители экономики, директора заводов. Принято решение о направлении вас в Промышленную академию имени Сталина.

Ну что же, приказы не обсуждаются. Ясный уже давно решил, что принадлежит не себе, а своему народу и партии. И готов был воевать, учиться, строить. Делать то, что нужно стране от него, а не ему от страны.

Глава 2
Дорогая моя столица

Встретились они на ступенях Промакадемии. Оба запыхались, потому что занятия должны скоро начаться, а опаздывать нельзя. Дисциплина почти что военная.

– Ты подготовил материалы к собранию? – на ходу, строго спросила Надежда Аллилуева.

Она вообще была строгая. Но вместе с тем компанейская. Очень трепетно относилась к участию в общественных мероприятиях. Они учились в одной группе. И друг друга уважали.

Василий Ясный знал, что она обычно доезжает на служебной машине с водителем до площади трех вокзалов. А дальше на трамвае или пешком до Ново-Басманной улицы. Чтобы не злословили за спиной что-то про больших людей, которые рассекают на служебном авто.

Конечно, все слушатели знали, кто она такая. Но по ее скромному поведению трудно было поверить, что это жена самого могущественного человека в стране – генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Сталина. Поженились они еще в 1918 году.

– Вечером сделаю, – пообещал Ясный.

Он был профсоюзным организатором факультета, а она

парторгом всей Академии.

– Смотри, не тяни. – Надежда толкнула дверь в аудиторию.

Это были последние дни занятий учебного 1932 года. Стоял июль, жаркий, хотя, конечно, с Туркменией не сравнить. Каникулы обещали много интересных открытий. В Харькове должен был состояться Шестой международный менделеевский съезд, и отличившиеся студенты факультета химии планировали принять в нем участие.

На занятиях по математике и неорганической химии у Ясного не слишком получалось сосредоточиться на теме. Настроение было отпускное.

Наконец занятия закончились. Слушатели группы остались обсудить насущные вопросы. Приятная суета перед каникулами.

В аудитории появилась обрадованная Дора Андреева. Она была женой члена Политбюро Андрея Андреева, и хозяйственники Промакадемии этим иногда пользовались, пытаясь через нее решить неотложные вопросы хозобеспечения учебного заведения.

– Смотрите! – Дора взмахнула новым номером многотиражной газеты Академии «Сталинец». – Про нас пишут!

– Ну-ка, дай посмотреть! – Ясный взял газету и вслух зачитал: – Лучшие ученики химического факультета. Надежда Аллилуева…

Сидящая за партой Полина Жемчужина – жена наркома

иностранных дел Молотова – бросила острый взгляд на свою лучшую подругу. Вообще Полина всегда держалась несколько отстраненно и была самолюбива. Одногруппникам уже было известно о ее назначении руководителем треста «Жиркость».

Надежда, услышав свое имя, как-то окаменела, прикусила губу. Видно, что статья задела ее. И Ясный прервал чтение.

Сжав кулаки и смотря перед собой, Аллилуева стала глотать ртом воздух… И упала в обморок.

Все засуетились, забегали. Вскоре Надежда пришла в себя. Сухо сообщила, что с ней все в порядке. И вышла из аудитории.

Ее и раньше мучили сильнейшие головные боли, мешая сосредоточиться. И нервные ситуации провоцировали приступы боли. Сейчас она расстроилась, посчитав, что в газету ее поместили не за собственные заслуги, а как жену Сталина. Она очень болезненно воспринимала тот факт, что в ней видят прежде всего тень вождя, а не ценят за ее личные достижения. Она относилась к себе слишком строго. На самом деле она была добросовестным и трудолюбивым человеком, училась очень хорошо, обладала глубокими знаниями.

Ясный перевел дух. Застегнул свою офицерскую сумку с тетрадями. И вышел из аудитории. Его ждала летняя Москва. И каникулы. Хотя отдыха не будет. Будут общественные поручения и заботы. Но это дело нужное и привычное.

Москву он полюбил с первого взгляда. Огромный город, гораздо больше тех, что видел до сих пор. Великолепный древний Кремль. Извилистые узкие старые улочки. Деревянные окраины. Парк культуры с гипсовыми скульптурами. Особое очарование было во всем этом. И еще воодушевляло, что ты в центре великой страны, близок к людям, которые решают судьбы мира. Не то чтобы играло тщеславие, которого Василий был напрочь лишен. Но определенная гордость от осознания этого факта имела место.

Сперва ему с семьей определили комнату в студенческом городке Лефортово – крошечную, метров десять. Потом выделили помещение побольше – в общежитии Академии на Покровке, около гостиницы «Урал». Но бывал он там редко. Как всегда – ни отдыху, ни родным времени уделять не удавалось. Закрутила профсоюзная работа.

У Ясного был талант – упорядочивать все вокруг себя и двигать вперед. Принимал участие он и в работе парторганизации Академии, руководство которой Надежда Аллилуева приняла из рук Никиты Хрущева. Последний покинул Промакадемию в 1931 году и стал секретарем Бауманского райкома.

В Бауманском районе столицы партком Академии считался главной опорой райкома. И Ясному постоянно в числе других слушателей приходилось участвовать в районных партийных и хозяйственных мероприятиях, присутствовать на партконференциях и совещаниях. Члены парткома очень

любили славословить в адрес бывшего соученика Хрущева. И Василий Калашников, в прошлом ответственный работник рабоче-крестьянской инспекции СССР, которому вскоре предстояло стать парторгом Академии, с гордостью говорил с трибун:

– Это стараниями дорогого Никиты Сергеевича изобличена группа перевертышей и пособников из Угланова. Можно сказать, раздавил гадину.

Действительно, Хрущев тогда проявил завидную энергию в борьбе с оппозицией. Николай Угланов с 1924 по 1928 год был секретарем Московского горкома, а в 1928–1930 гг. – наркомом труда. Рьяный сторонник Бухарина, он сделал ставку не на ту лошадку. А Хрущев на ту. И закопал Угланова с его окружением. Последний, правда, вымолил прощение, но в 1937 году его расстреляют. А Никита Сергеевич пробил себе путь наверх, и в итоге в 1932 году его назначили Первым секретарем МГК, фактически он стал хозяином Москвы.

На партконференции, глядя на лучащегося оптимизмом и энергией Хрущева, Ясный даже представить не мог, как крепко в будущем переплетутся их судьбы.

Промакадемия была на особом счету – подведомственная ЦК ВКП (б) и Высшему Совету народного хозяйства СССР. Слушателям группы из пятнадцати человек, куда попал Ясный, предстояло стать руководителями химических производств. Для преподавания привлекали лучших из луч-

ших. Так, вел занятия и работал со студентами сам Николай Зелинский, величайший химик, человек громадного ума, создавший в СССР современную химическую промышленность. Возраст и погруженность в науку давали о себе знать – зачастую он был рассеян, ронял документы, опаздывал на встречи. Нашлись те, кто пожаловался на него Сталину. А тот хитро прищурился и сказал:

– Так вы выделите ученому специального человека. И пускай ходит за ним и все подбирает.

Ясный, любивший занятия у Зелинского, быстро стал его любимым учеником, которому тот пророчил большое научное будущее. Сложись судьба иначе, стал бы наверняка Василий академиком, руководил бы НИИ. Склонности к этому у него были явные. Но судьба – дама коварная.

Прошли каникулы. У Ясного начался новый учебный год. Суета с занятиями, партработой. Близилось важнейшее общественное мероприятие – пятнадцатилетие Великой Октябрьской революции. И колонна Академии по традиции должна была достойно показать себя на демонстрации. Значит, нужно изготовить транспаранты, передовые плакаты с надписями «Промышленная академия», решить организационные вопросы.

Ясный оглянуться не успел, как настало 7 ноября 1932 года. Утром радостные, с праздничным настроением слушатели и преподаватели собрались перед Академией на Ново-Басманной улице. И двинули колонной в направлении

Красной площади.

Сначала Надежды Аллилуевой не было. Появилась она, когда колонна подошла к Земляному Валу. Она задорно улыбалась.

Вся группа веселилась, смеялась в светлый праздник. Бурную реакцию вызвало изобретение Хрущева – переносные туалеты. Это были кабинки-кибитки, которые ставились над открытыми по такому случаю канализационными колодцами.

Колонна дошла до Красной площади, там приобрела прямоугольную форму и бодро прошествовала мимо Мавзолея, с которого приветствовало демонстрантов руководство страны. Со стены ГУМа взирали огромные портреты Ленина и Сталина.

Зрелище было грандиозное. Прошла колонна ветеранов Гражданской войны в кожаных куртках. Прогромыхали гусеницами по брусчатке новые танки. Над головами с ревом проносились новейшие самолеты. Страна Советов демонстрировала свою мощь.

Праздник удался. Настроение у всех было отличное. Но впереди ждали тяжелые рабочие будни.

Рано утром 9 ноября в дверь комнаты общежития настойчиво постучали.

– Ну кто там? Спать не дают, – пробормотала сонно Елена Ясная.

Василий с неохотой поднялся. Приоткрыл дверь и увидел

бледную как смерть секретаря парткома химфака Каспирович. Она негромко произнесла:

– Аллилуева скончалась. Острый аппендицит.

Ясному показалось, что земля уходит из-под ног. Как обухом по голове врезали. И на миг даже слезы навернулись. Дело не в том, что умерла жена вождя. Надежду в группе искренне любили.

В здании ГУМа располагалась канцелярия Верховного Совета СССР. На втором этаже в зале установили гроб. На прощание пригласили родственников и сокурсников по группе.

Пришли члены Политбюро Сталин, Молотов и Каганович. Постояли минут двадцать. Было видно, что Сталину очень плохо. Он весь опал с лица.

Потом через Красную площадь на Манежку торжественно несли гроб одногруппники покойной и сотрудники ЦК.

Охранники-чекисты на крышах ближайших домов чуть не околели от холода и начали шевелиться. Народ засуетился, заметив торчащие ружейные стволы сверху.

Сталин и члены Политбюро немного приотстали. И появились уже на Новодевичьем кладбище.

Церемония была короткая. Выступил Молотов с речью:

– Хороним друга товарища Сталина…

Ясный даже представить себе не мог, что в 1953 году будет вот так же стоять рядом с телом вождя. И будет организовывать его похороны…

Глава 3
Великий глад

Молчаливый водитель остановил полуторку. Ясный выпрыгнул из кабины, и грузовичок резво рванул вперед, взревев во всю невеликую мощь своего мотора.

Апрельский день выдался хмурым. Моросил мелкий противный дождь. В селе было жутковато. Поражали абсолютные пустота и тишина – ни голосов, ни лая собак. Только скрипели ворота под порывами ветра. Где тут МТС? Как ее найти?

Ясный подошел к забору перед вросшей в землю бревенчатой избой и крикнул:

– Хозяева! Эй, есть кто?

Ответа не последовало, и от этого стало еще более жутко. Он толкнул покосившуюся калитку. Зашел в избу. Огляделся.

И застыл как вкопанный, ощущая, как слабеют ноги. Прислонился к бревенчатой стене, чтобы не упасть.

В избе было четыре трупа – мужчина, женщина и двое детей. Истощенные настолько, что напоминали мумии.

Так неприветливо и страшно встретило Ясного село Лемешкино Руднянского района Сталинградской области.

Ему с трудом верилось, что еще недавно он был в мно-

голодной шумной Москве и получал в деканате Промакадемии бумажку.

«ВСНХ СССР

ПРОМЫШЛЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Москва, ул. Ново-Басманная, дом 20

Настоящим удостоверяется, что тов. Ясный В. С. состоял слушателем Всесоюзной Промышленной Академии им. Сталина с 1931 по 1933 г. на Химическом факультете. Выбыл по мобилизации в МТС, не закончив 2-й курс. Им пройдены и зачтены следующие дисциплины:

1. Диамат – вуд.
2. Аналитическая химия – вуд.
3. Физика – вуд.
4. Неорганическая химия – вуд.
5. Математика средняя – вуд.
6. Политэкономия – вуд.
7. Черчение – вуд.
8. Немецкий язык – 48 час. предмет не закончен.
9. Математика высшая – вуд., 140 час.
10. Техническая механика – вуд., 62 час.
11. Электротехника – 28 час.
12. Органическая химия – 28 час.

Директор Академии Каменский

Декан Химфака Климов».

Вообще Промакадемию мало кто оканчивал. Это был такой специальный резерв ЦК, который кидали в самое пек-

ло… Или в голод.

Да, над страной распростерлась тень голода. То, что потом получит инфернальное название «голодомор». Что явилось его причиной? Недород? Недочеты в организации хозяйственной деятельности? Перегибы на местах, как на Украине, где голод спровоцировали национальные кадры неуемным желанием отчитаться? Это не так важно. Надо было спасать людей, деревню. И сделать так, чтобы подобное больше не повторилось никогда. И в этот прорыв кинули испытанные в боях и строительстве лучшие партийные кадры.

Было очевидно, что изменить положение в сельском хозяйстве могла только механизация села. Заработали уже тракторные заводы. Пошла в сельские районы техника. И предстояло внедрить ее.

В 1928 году на базе тракторной колонны имени Шевченко в Степном округе Украины была создана первая машинно-тракторная станция. В следующем году вышло Постановление Совета труда и обороны СССР о повсеместном внедрении этой практики. МТС являлись не только подспорьем крестьянам, но и ядром, вокруг которого вырастали колхозы, осваивались новые методы ведения хозяйства. Тысячи членов партии и комсомольцев были направлены на село. Но грянувший голод показал – опоздали. Надо было действовать быстрее и эффективнее. И на это направление кинули самые опытные кадры…

Кабинет в ЦК был длинный, чтобы человек, пока дойдет

до конца, подумал и о себе, и о своем месте в жизни. Но хозяин кабинета, статный, с густыми черными усами, внимательными, проницательными глазами мужчина средних лет, был напрочь лишен чванства и высокомерия. Встал, приветливо поздоровался за руку с Ясным, предложил присаживаться.

– Дорогой товарищ, – сказал старый большевик Лазарь Каганович, недавно назначенный заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК. – Политбюро ЦК партии рекомендует вас в Сталинградский край начальником политотдела МТС. Это приравнивается к секретарю райкома.

– Товарищ Каганович, мне доучиться совсем ничего осталось! – с отчаянием произнес Ясный.

– Сейчас вы там нужнее. Надо быстрей решать вопросы сельского хозяйства. Чемберлен нас ждать не будет!

И вот Ясный здесь. Добрался до райцентра Рудня, где ему толком никто ничего не смог объяснить. На попутке доехал до Лемешкино. И застал здесь сплошное кладбище.

Выйдя из ставшей могилой избы на улицу и глотая жадно воздух, он увидел медленно катящуюся по улице подводу с истощенным крестьянином.

– Где МТС? – крикнул Василий.

– Не знаю, где ихнее начальство, – пожал плечами крестьянин. – Вроде там было. Садись.

Столичный гость забросил чемодан и запрыгнул на телегу. А через пять минут спрыгнул уже перед МТС.

Станция представляла собой огороженную местами пова-

ленным забором территорию, где стояло полуразвалившееся бревенчатое здание конторы, навесы и три ржавых трактора «Фордзон». Да, с этим район вряд ли поднимешь.

На входе в контору сидел пожилой сторож – страшно худой и бледный.

– Мне директора, – сказал Ясный.

– Да какой директор? – хрипло произнес старик, с недовольством и подозрением смотря на пышущего здоровьем круглощекого гостя. – Нет его. Был главный инженер. Да и тот сидит за вредительство.

Вспомнив остовы тракторов, Ясный решил, что тот за вредительство сидит, похоже, правильно.

Собрав оставшихся работников и ознакомившись с состоянием дел, Ясный осознал, что такого ужаса не видел никогда. Средняя Азия просто оазис по сравнению с этим. В селе Лемешково было триста дворов. И половина селян уже умерли от голода, а остальные еле дышали. Но на рефлексии времени не было. Надо было работать.

Перво-наперво он, добравшись до телеграфа, отстучал телеграмму начальнику политуправления Наркомзема Сомосу, где объяснил, что происходит. И достиг первоначального результата – из запасов страны пришло продовольствие и зерно для посевной.

А дальше началась повседневная работа. Встречи с партактивом, крестьянами, руководителями колхозов. Пошла техника. Приезжали из города комсомольцы, из которых со-

здавались механизированные бригады. Прислали из Питера надежного коммуниста, из потомственных рабочих, на должность директора. Появился главный инженер. Заработали новая контора и ремонтные мастерские. И вот уже техника вся на ходу, не разваливается. И железные лошади с невиданным проворством перепахивают поля.

Ни дня ни ночи Ясный не видел. Поля, люди, техника. Ничего нельзя упустить. Начальник политотдела в ответе за все, в том числе за директора и главного инженера.

Зиму район пережил – больше смертей от голода не было. А на следующий год все как по волшебству изменилось. Выдался отличный урожай. Помогли техника и удобрения. Приезжал сам Андрей Жданов, принявший у Кагановича бразды правления в сельскохозяйственном отделе ЦК, и оценил:

– Да, дело вы большое сделали. Спасибо вам от имени всей нашей родной партии.

Система МТС продемонстрировала свою огромную эффективность. Прихлопнет ее уже Хрущев в конце пятидесятых в зуде реформаторства, что и явится одной из причин продовольственного кризиса, из которого СССР так и не выйдет.

В 1935 году Ясного назначили секретарем Лемешковского райкома партии. Работа сильно не изменилась – управление хозяйством и битва за урожаи, как и раньше. Зато теперь он смог перевезти семью. И стал по-настоящему счастливым

человеком – у него родилась двойня, мальчик и девочка.

Работа была налажена. И у Ясного возникло предчувствие, что Москва его не забудет. Где-нибудь образуется очередной прорыв. И его придется опять затыкать.

Но представить не мог, что его ждет, когда вечером в феврале 1937 года на столе зазвонил телефон. На том конце провода был первый секретарь Сталинградского крайкома Иосиф Варейкис:

– Собирайтесь. Вы немедленно выезжаете в Москву по вызову в ЦК! Уже направлена телеграмма.

Телеграмма себя ждать не заставила – помощник положил ее на стол. И вместе с ней ворвался ветер перемен…

Через несколько дней опять любимая Москва. Ясному не верилось, что он вернется сюда. Но он здесь. Надолго ли?

Ему выделили койку в комнате на Рождественском бульваре. Эта гостиница предназначалась для партработников, которых ЦК мобилизовал на решение насущных вопросов – направить на Северный полюс или в степи Казахстана. Партийцы щелкали каблуками и соглашались на все. Отказы не принимались. Но немного посетовать на свою горькую судьбинушку не возбранялось.

Несколько дней Ясный провел в компании из двух десятков таких же откомандированных и не знающих, что их ждет. И вот долгожданный вызов – к заведующему отдела руководящих органов ЦК Георгию Маленкову. Тот курировал НКВД. И сердце у Ясного тревожно екнуло. Недавно за зло-

употребления расстреляли наркома внутренних дел Генриха Ягоду, человека с большими амбициями. Поговаривали, что из преданных ему сотрудников тот создавал отряд для захвата Кремля. На его место поставили Николая Ежова. Ударно работали тройки, число репрессированных росло как снежный ком.

Маленков был полнолицый, улыбчивый человек с очень хорошо поставленной речью. Но глаза у него были строгие. Он уже проявил себя в очищении партии, по-простому, в репрессиях партийных работников.

Внимательно посмотрев на прибывших верных бойцов, он объявил, что органы НКВД избавляются от перерожденцев, близких к Ягоде. И партия решила направить их на этот участок. После чего приказал:

– Идите за мной.

Вся толпа во главе с завотделом ЦК пешком отправилась на Лубянку.

Нарком Ежов ждал их в своем просторном кабинете на четвертом этаже. Низкорослый, почти карлик, худощавый, с пышной шевелюрой, он обвел всех тяжелым взором человека, у которого вокруг одни враги, и объявил косноязычно:

– Вы облечены доверием пролетарского могущества!

И несколько минут накручивал всех по поводу засилья врагов, происков мирового империализма.

Ясному становилось все тоскливее. Отвертеться от назначения не получится. А участвовать в чистках он не имел ни-

какого желания, хотя в какой-то мере признавал их необходимость и неизбежность. Но рано или поздно кому-то придется за все это отвечать.

Глава 4
СССР в ежовых рукавицах

– Тщательно, до мельчайших деталей продумывайте операции. Запомните: разведчики сыпятся на мелочах, – твердил лектор в кителе с ромбом в малиновых петлицах – майор госбезопасности, прохаживаясь по просторной комнате перед новоиспеченными оперативниками. – Помню один случай. В Берн был заброшен с заданием сотрудник ИНО ГПУ. А Швейцария – это такой заповедник разведок. Они там толкутся, друг с другом играют. И всех приезжающих в страну там тщательно проверяют. Негласный обыск в гостиницах – это нормально. Вот и осмотрели его вещи, пока он отсутствовал. А у него ботинки, шикарные, со скрипом. И на ботинках штампик «Хозобеспечение ГПУ». Вот вам и провал.

Вхождение в профессию в НКВД было отработано до мелочей. Сперва были курсы по специальным дисциплинам и законодательству. И перед Василием открылся фантастический, невидимый обывателю мир. Еще будучи в Туркмении, он сталкивался с методами НКВД. Но такого себе даже представить не мог.

НКВД досталось созданное еще при царе, отточенное до бритвенной остроты уже при советской власти оружие тайной войны – система агентурно-оперативной деятельности.

Кромкой ее лезвия являлись агенты, осведомители, секретные сотрудники, то есть негласный аппарат, – те, кто, ведя обычную жизнь, подписывается передавать информацию о происходящем вокруг них в органы НКВД, они живут и действуют во всех социальных нишах, предоставляя сведения о всех сторонах бытия общества. Смертельным острием служат оперативные комбинации и внедрения. А ножнами – явочные и конспиративные квартиры, резидентуры, документы прикрытия, фальшивые имена и биографии, «легенды».

Практикантам демонстрировали специальную технику, которой в то время было немного, в основном фотоаппаратура. Их водили по конспиративным квартирам, которые на поверку оказались вполне обычными московскими квартирами, только расположенными, как правило, на первых и последних этажах, чтобы удобнее контролировать тех, кто появляется на лестнице.

Практикантов учили оформлять процессуальные документы, вести допросы. Через месяц им присвоили звание старших лейтенантов госбезопасности, что приравнивалось к майору рабоче-крестьянской Красной армии.

Ночь. Тесный кабинет на Лубянке. В центре – стул с допрашиваемым. Старший оперуполномоченный Березовский незамысловато и прямолинейно допрашивает валютчика:

– Говори!

– Да нечего мне говорить, – устало в который раз отвечает

валютчик.

– Золотом торговал? За границу отправлял? Говори! Где золото? – Старший оперуполномоченный подходит сзади.

Молчание в ответ. И крик в ухо:

– Где золото?!

Так и не расколол. Но бить не стал.

Следующий этап вхождения в профессию – три месяца работы в службе наружного наблюдения, чьих оперативников называли «топтунами». Подобными навыками должен был обладать каждый сотрудник. Самая неблагодарная служба. Зной, холод, дождь – топчи улицы. В наружке постоянно не хватало народа. Как только оперативник осваивается, его уже нерачительно использовать на черной работе. Но и совсем неумех там держать не станешь.

«Топтуны» прилипали репьем к сотрудникам посольств. Три главные задачи – не упустить объект, отследить связи и не расшифроваться. Особенно проблемы были с контактами объектов. Народу в группе скрытого наблюдения ограниченное количество. А те же японцы любили фокусничать – выйдет секретарь посольства за порог и давай к советским гражданам приставать: «Как пройти в библиотеку, в пивбар?» Одному сувенирчик в виде коробки спичек даст, другого по плечу похлопает. И поди, узнай, может, агенту передал сообщение. Нужно установить личность контактировавшего и не упустить самого секретаря. Иногда подставляли контакты под милицейскую проверку документов. Или «укладывали в

адрес» – то есть доводили до дома. Порой упускали основной объект, за что оперативников нещадно бранили.

Потом началась работа непосредственно в отделах. Располагались кабинеты на Лубянке, в главном здании, до революции являвшемся доходным домом страхового общества «Россия». Ясному сильно повезло, что попал он в отдел контрразведки. В самое его сердце – немецкое отделение. Главная задача – контрразведывательная игра с немецкими шпионами, действующими под крышей посольства. Хуже было то, что при каждом отделении работала особая группа, занимавшаяся высокопоставленными врагами народа – это была «Ежовская гвардия», зарекомендовавшая себя в громких делах.

Ясного удивило тогда засилье в НКВД выходцев с Северного Кавказа. Ему шепотом объяснили старшие товарищи: их держат за верность своему хозяину, жестокость и готовность на все.

Молодых сотрудников распределили по этим следственным группам. Ясный попал в группу замначальника отделения капитана госбезопасности Бечирбека Дзиова – человеку суровому и безжалостному. Пришлось участвовать в следственных мероприятиях в отношении арестованного посла СССР в Саудовской Аравии, легендарного знатока арабского Востока Карима Хакимова, заигравшегося в дипломатические игры и вызвавшего недовольство Москвы. Он будет приговорен к исключительной мере наказания и расстрелян

в 1938 году, что приведет к разрыву дипотношений с Саудовской Аравией. Также отметился в деле по Владиславу Зеймалю, заместителю заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК, который тоже будет вскоре расстрелян по решению Военной коллегии Верховного суда СССР за участие в контрреволюционной террористической организации.

Была ли какая-то вина этих людей, что послужило причиной их ареста – этого Ясный так и не узнал. Он был на подхвате – принеси, подай, дело подшей и страницы пронумеруй. Его приглашали, уже когда Дзиов добивался признательных показаний, и необходимо было оформить их протоколом. Один из таких протоколов, подписанных Ясным, выйдет ему боком ровно через два десятка лет.

С работы молодые оперативники не вылезали сутками. Работали в наркомате по ночам. Ждали, что может появиться Ежов. У того была манера – околачивается незнамо где неделю напролет, а потом после полуночи заявляется на работу и устраивает разносы.

Боялись его как огня. Нарком занимал кабинет Дзержинского, подчеркивая, что является его преемником, хотя Феликс Эдмундович, скорее всего, расстрелял бы такого наследничка за его дела.

Было полтретьего ночи. Ясный сидел и нумеровал дело, уже законченное и подготовленное к рассмотрению Военной коллегией. В коридоре послышался шум.

Выглянув из кабинета, Ясный увидел, как обычно бушу-

ющего, Ежова. Тот заскочил в соседний кабинет с тремя сопровождавшими его мордоворотами. И с ходу начал с яростью и матюгами избивать допрашиваемого. Это была нормальная манера работы. Василий почел за лучшее затаиться от греха подальше в кабинете и не отсвечивать.

Для выживания в то время в наркомате нужно было быть бдительным и соблюдать меры предосторожности. Однажды по коридору вели одного из подручных Ягоды, так все, кто курил в длинном коридоре, как ошпаренные метнулись прочь. Старший опер Березовский буквально вдернул Ясного за рукав в кабинет и захлопнул дверь:

– Жить надоело? Он перед допросом глянет на тебя, запомнит. И потом выдаст под протокол – мол, еще один враг народа. Вместе англичанам продались.

Многие годы Ясный будет пытаться сформулировать свое отношение к перегибам тридцатых годов. В верхах шла ожесточенная борьба не просто за власть, а за выбор курса страны. Троцкисты мечтали сжечь СССР в огне мировой революции, бухаринцы – устроить эдакий тихий аграрный рай. Только Сталин обладал четким видением будущего – нужна мощная промышленная держава. Война с империализмом будет обязательно, Стране Советов не дадут жить спокойно. Практически с нуля создавать современную промышленность и армию – это без крови не бывает. Да и среди репрессированных ягнят не было. Выиграй те же троцкисты, крови пролилось бы куда больше, учитывая традиции их лидера.

Но победил Сталин. И запустил паровой каток репрессий, который покатил вперед, набирая скорость. И пошло-поехало. Хочешь показать свою верность и не загреметь самому – выявляй больше врагов народа. Пошли планы на аресты. Лимиты арестов. Партийные списки на аресты. Ну и под шумок так легко свести счеты с личными врагами и недоброжелателями.

Но ведь было и немало людей, люто ненавидевших советскую власть, пробравшихся в ее учреждения и ставших ставить палки в колеса, – вскрывали же вполне реальные вредительские организации. Вросли в государственный организм многочисленные паразиты – мздоимцы, растратчики и разгильдяи. С ними рывок в будущее был невозможен. Чтобы не вести многолетние хозяйственные уголовные дела, их тоже пускали как политических. Ну а еще – западные разведки осуществляли массовые вербовки советских граждан. На это уж Василий вдоволь насмотрелся с первых дней работы в контрразведке.

Ясный быстро зарекомендовал себя перспективным оперработником. Благодаря опыту партийной работы в отделе его избрали парторгом. Через некоторое время направили в ЦК на совещание парторгов НКВД.

Вел совещание Маленков. Строгий, сосредоточенный, открывая мероприятие, он зачитал телеграмму Сталина всем органам НКВД:

– Вместо проявления пролетарской жесткости наблюдает-

ся неоправданный либерализм по отношению к врагам трудового народа.

Это был призыв раздвинуть рамки уголовного процесса, проще сказать – выколачивать показания. Однако на самой Лубянке этим никто, кроме нескольких осатаневших сотрудников, не баловался. В основном подследственные признавались под психологическим давлением в реальных, а иногда и мнимых грехах. Люди, которые имели все, вдруг оказывались никем, и многие не выдерживали, подписывали протоколы, даже не читая. Другие со злости и отчаяния начинали оговаривать всех подряд. Третьи возводили напраслину на как можно большее количество народу, наивно полагая, что всех не посадят и разберутся.

Один подследственный еще при Ягоде после ареста сразу признался, что он разведчик Гондураса. Через год отсидки его забрали из лагеря и отвезли в Москву. В просторном кабинете его встретил крупный мужчина в генеральской форме – генеральный прокурор Андрей Вышинский. Затряс листом с явкой с повинной и закричал:

– Ты, сукин сын, это написал?! Это ты работал на разведку Гондураса?

– Написал, – смутился зэк.

– У Гондураса разведки нет и не было!

– Ну а как я еще мог оправдаться? Признаваться заставляли. Вот и понадеялся, что кто-то умный попадется и с чувством юмора.

После этого его отпустили…

С каждым месяцем обстановка внутри НКВД накалялась. Было заметно, что под всесильным Ежовым начинает качаться кресло. Из ЦК начали приходить указания об арестах его приближенных за различные злоупотребления. В апреле был арестован начальник Главного управления пограничной охраны Крафт. В июне сбежал к японцам начальник дальневосточного управления НКВД Люшков. Инсценировав самоубийство, исчез нарком Украины Успенский. Застрелился начальник Ленинградского управления Литвин. Был назначен наркомом военно-морского флота первый замнаркома всемогущий и зловещий Фриновский, заправлявший долгое время фактически всеми расстрельными делами в наркомате. В августе 1938 года первым заместителем Ежова становится человек не из его команды – бывший первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Лаврентий Берия.

Ясный почти физически ощущал, что ситуация взрывоопасная. И не сегодня завтра взрыв грянет.

Глава 5
Вербовка

– Ты же русский. Что тебя связывает с англичанами? – спросил Ясный, с сочувствием глядя на собеседника.

То, что происходило в номере гостиницы «Астория», называлось вербовочной беседой.

С момента начала работы в НКВД Ясный ежегодно выезжал на Международный пушной салон под видом сотрудника Наркомата внешней торговли. По случаю он приодевался в заграничную одежду и выглядел как настоящий внешторговец – благо были в нем солидность и лоск.

Это был своеобразный праздник спецслужб. В Ленинграде собирались торговцы пушниной со всего мира и занимались скупкой российского меха. Ну а заодно разведывательной деятельностью.

Майкл приехал из Англии. Ясный с самого начала положил на него глаз. Англичанин в прошлом носил имя Михаил, эмигрировал после революции, болел ностальгией и был счастлив снова ступать по брусчатке Ленинграда.

С бизнесом на этой ярмарке у Майкла не заладилось. Он не знал, что этому поспособствовал НКВД. Все шло к тому, что его поездка обернется убытками, и бизнес просто остановится. И что делать?

Благо он вовремя разговорился с обаятельным представителем Внешторга. Продолжили знакомство за рюмочкой в номере «Астории». И в ходе беседы англичанин выяснил, что его вербуют.

Майкл сильно задумался. А ведь правда, он все так же любит Россию и желает ей только добра. И условия договора предложили выгодные – он спасет бизнес от стагнации. И задачу перед ним ставят простую – делиться знаниями.

– Хорошо, я согласен, – кивнул он. – Что от меня надо?

– Сначала – вот список участников салона. Кто из них, по-твоему, имеет отношение к разведке? – спросил Ясный.

Майкл усмехнулся. Тут у него давно сложилось свое мнение. И он начал подчеркивать фамилии карандашом.

– Этот под вопросом. А вот Кауфман работает на немцев и даже особенно этого не скрывает.

– Так он же еврей, – удивился Ясный. – Немцы их не любят.

– Но используют вовсю…

Вечером на совещании в Ленинградском управлении, определяя порядок дальнейшей работы, Ясный, глядя на опытнейшего местного оперативника Гольдберга, сказал:

– Вон, Кауфман этот – твой единоверец, можно сказать.

– Да какой такой там единоверец? – возмутился Гольдберг. – Да мне таких единоверцев даром не надо!

– Ну все равно. Твой объект. Вербуй.

Гольдберг принялся за дело со всем энтузиазмом. Перво-

начальная информация подтвердилась – Кауфман действительно работал на немецкую разведку. Оставалось его перевербовать. Учитывая любвеобильность объекта, под него подкладывали смазливых барышень. Однако подтянуть его на контакт не удавалось.

Через год Гольдберг, после ряда филигранных подстав и комбинаций, все же смог припереть брата-еврея к стене. И тот стал честно работать на Советы.

В Москве работы был непочатый край. Нужны были глаза и уши у главных противников – в немецком посольстве. И их удавалось находить! Ясный становился заправским вербовщиком.

Вербовки. Во всех спецслужбах – это высший пилотаж. И хорошие вербовщики на вес золота. А у Ясного проявились ярко выраженные способности в этом деле. Он мог методично расставлять ловушки, так что в итоге кандидат на вербовку просто не видел иного выхода, как дать подписку о сотрудничестве с органами НКВД. А мог и одной фразой подвигнуть человека на этот шаг, попав в уязвимую точку.

К осени 1938 года НКВД начало трясти. В октябре начальник Ивановского управления написал в ЦК обширную докладную с изложением множественных перегибов в работе аппарата НКВД, о назначении туда на различные должности вражеских элементов и о полном игнорировании этих фактов Ежовым, которому не раз докладывалось.

Письмо сдвинуло лавину. Вал репрессий перешел к тому

времени все разумные рамки и стал беспокоить верха. И было понятно, что просто так Ежов его не остановит.

Решением Политбюро была создана Комиссия, по итогам которой ЦК и Совнарком СССР приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем были отражены и порочная практика лимитов на аресты, и отсутствие доказательств в делах.

В ноябре Ежова отстранили от чекистской работы и перевели наркомом водного транспорта. А в апреле 1939 года арестовали прямо в ЦК, когда он выходил от Маленкова.

Разогнанный им паровой каток с готовностью прокатился и по нему самому. Опальный нарком быстренько признался в терроризме, коварных планах в отношении партии и правительства, а заодно, до кучи, в грехе гомосексуализма, убийстве собственной жены Евгении Соломоновны Хаютиной, еврейской красавицы, по упорно ходящим слухам, дарившей свои ласки многим знаменитым людям. Потом, правда, Ежов взял свои слова обратно, но никого это уже не интересовало. На Лубянке смертный приговор привели в исполнение.

После отставки Ежова аппарат лихорадило – думали, гадали, кто будет на его месте. Первой кандидатурой рассматривался Хрущев. Сталин предлагал это место и Валерию Чкалову – он его сильно любил и доверял. Но тот руками развел:

– Я же в этих делах чекистских не специалист. Я летчик. Зачем позориться буду?

Сталин настаивать не стал.

Маленков, курировавший НКВД, в это переходное время постоянно бывал на Лубянке. Берия, бывший первым замом, скромно забился в своем кабинете и старался ничем себя не проявлять.

И вот прозвучало: назначен Лаврентий Берия. В конце ноября 1938 года Ясный первый раз воочию увидел его в актовом зале на Лубянке, где он представлялся личному составу.

– Партия поставила задачу исправить многочисленные перегибы, которые были при прежнем наркоме Ежове, – объявил он торжественно.

Многие собравшиеся были с этим тезисом согласны. Других он покоробил, и от будущего они не ждали ничего хорошего.

Первоначально Берия мягко стелил. Приглашал сотрудников – от рядовых до руководителей. Разговоры с ними вел в корректной форме, вкрадчиво выспрашивая:

– Вы старый сотрудник. Кто тут, по вашему мнению, вел себя не по-человечески.

Постепенно он собрал большой фактический материал. И принялся жесткой рукой чистить аппарат. Многих выгнали. Некоторых посадили и расстреляли. Сняли начальника отделения Дзиова и приговорили к смертной казни. Взамен многих из тех, кого репрессировал Ежов, выпустили. Однако машина репрессий продолжала движение, хотя масштабы с ежовскими были несопоставимы.

На освободившиеся места Берия неустанно тащил нацио-

нальные кадры – в основном из Грузии и Армении. Руководителем следственной части назначил своего старого знакомого Богдана Кобулова, человека воистину зловещего. Первое, чем тот занялся, – делом Ежова – и успешно закопал бывшего наркома. Первым заместителем наркома – начальником Главного управления государственной безопасности стал выходец из Закавказья Всеволод Меркулов. Он оказался серьезным руководителем, знавшим толк в чекистской работе и по мере сил сторонившимся перегибов. Кроме того, был личностью творческой, в театрах шли неплохие для того времени пьесы его авторства.

Неожиданно для всех Берия начал выделять бывшего секретаря Средневолжского крайкома ВЛКСМ Бориса Обручникова, который пришел в наркомат по одному партийному набору с Ясным. Вскоре тот стал замнаркома по кадрам. Лаврентий ему много чего прощал. Так, однажды Борис обмолвился, что наркомат заполонили грузины, и скоро всех остальных выгонят. Берии донесли, но вместо Обручникова тот посадил доносчика.

В апреле 1939 года Меркулов пригласил Ясного в свой кабинет:

– Василий Степанович, вам предлагается должность начальника немецкого отделения. Справитесь?

– Справлюсь, – уверенно произнес Ясный…

Глава 6
Что немцу хорошо

Это был конец августа 1939 года. В своем кабинете на Лубянке Ясный просматривал последние агентурные сообщения, сводки наружного наблюдения, ставил резолюции. От этого рутинного занятия его отвлек телефонный звонок.

– Говорит комендант аэродрома! – послышался встревоженный голос. – Тут у немцев драка, прямо около их самолетов.

– Которые с Риббентропом прилетели?

– Они!

– Сейчас буду!

Ясный схватился за телефон. Поднял оперативников и водителя, вызвал представителя МИДа. И бросился в бой.

Предыстория была такова. 23 августа 1939 года в Москве руководители внешнеполитических ведомств СССР и Германии подписали договор о ненападении – знаменитый пакт Молотова – Риббентропа. Заслуженно считая это своей огромной победой, Молотов был счастлив и на радостях подарил немецкой делегации целую машину презентов – в основном стеклянные банки с черной икрой.

До центрального аэродрома имени Фрунзе на Ходынском поле Ясный успел добраться, когда драка около немецких

транспортных «Юнкерсов» была в самом разгаре. Били немцы друг друга жестоко.

Делегация Риббентропа прилетела на трех самолетах. Один был с охраной из военных. Эта самая охрана и передралась на почве дележки сувениров. Сверкнули ножи. Дело шло к смертоубийству.

– Разойтись! – закричал Ясный без какого-либо видимого эффекта.

Тогда оперативники и бойцы охраны аэродрома, рискуя собой, врубились в свалку, матюгая немцев и стараясь не поскользнуться на черной икре из разбитых банок. Растащили драчунов. Успокоили. А на следующий день проводили всю делегацию домой.

Подписание пакта стало знаковым. Моментально изменилась тональность в советской прессе – перестали костерить немцев на все лады и обличать фашизм. Теперь германец как бы и не союзник, но уже и не враг. Очень быстро это сказалось на поведении сотрудников посольства, которые, зная, что им простится все, обнаглели до невероятности. Теперь они плевали на все правила пребывания диппредставителей. Напористо и нагло вели разведывательную деятельность. Организовывали массовые вербовочные мероприятия среди советских граждан. Доходило до того, что устраивали слежку за своими противниками – сотрудниками НКВД.

После назначения Ясного на должность начальника отделения в его жизни произошли перемены. Теперь ему полага-

лась машина «М-1» с шофером, но чаще он сам был за рулем. Он получил трехкомнатную квартиру в Большом Комсомольском переулке рядом с площадью Дзержинского, служебную дачу в Химках. У него в подчинении было два десятка опытных оперативников и немереное количество негласных сотрудников. На плечи грузом легли тяжелые обязанности. Он теперь отвечал за всю контрразведывательную работу с посольствами Германии, Словакии и Венгрии.

– Нам нужна не только информация о деятельности немецкой разведки, – напутствовал Меркулов, – нам нужны сведения о том, что ежедневно происходит в самом посольстве. Что делается в Германии. Об их планах. О внутренней политике. Примите меры.

И принимали. Теперь сотрудники посольства были для Ясного как родня. Он знал их почти всех по именам и фамилиям. Представлял, кто чем дышит, где бывает, слабости каждого. И не упускал из виду главных своих противников по разведывательной игре – военно-морского атташе фрегаттен-капитана Норберта фон Баумбаха и военного атташе генерала Эрнста Кестринга, руководивших сбором развединформации.

Вот этих двоих Ясный и окружал вниманием по мере сил. Мечтал о моменте, когда кто-то из них даст подписку «обязуюсь сотрудничать с органами НКВД СССР». Но до этого было далеко. Пока что приходилось подтягивать к сотрудничеству их окружение.

Василий фактически перешел на нелегальное положение, жил по документам прикрытия на некоего ранее судимого Белова. Одет был по той моде настоящим франтом – добротный пиджак, галифе и вычищенные до блеска сапоги. В одном сапоге у него была припрятана пачка фунтов стерлингов, в другом – немецкие марки, чтобы расплачивался с агентами

Встречи, встречи, встречи – назначенные и неназначенные, с агентами и кандидатами на вербовку.

По всей Москве у него для встреч с агентурой имелась сеть конспиративных квартир и явочных помещений в музеях, театрах и кинотеатрах, магазинах. Средств на конспирацию не жалели. Ведь всего лишь одна ошибка – ты теряешь агента, он теряет жизнь.

Все более-менее значимые сотрудники назначались в посольство Германии в Москве после жесточайших проверок и, как правило, являлись агентами соответствующих спецслужб – абвера, гестапо, СД. Но немцы в своей спеси явно недооценивали русскую контрразведку. И высокомерно не обращали внимания на персонал – мол, недочеловеки в основной своей массе. Эта самоуверенность вышла им боком.

В обслуживании посольства работали сторожами, уборщицами немало граждан СССР, в основном поволжские немцы. НКВД вербовал их массово – на связи уже состояла пара десятков человек.

Эти агенты достаточно полно освещали внутреннюю жизнь посольства. С их помощью был организован вывоз

мусора. Все содержимое мусорных ящиков и корзинок из посольства поступало в НКВД. Специально выделенные сотрудники отделения кропотливо воссоздавали из бумажных обрывков документы, смятые копирки. И эти мусорные раскопки давали на удивление много информации, хотя, конечно, серьезные документы в посольствах сжигали.

Появились первые успехи в вербовке дипломатических работников. Одна из сотрудниц немецкого посольства была настоящей нимфоманкой, ее удачно застукали на связях с мужчинами в Москве. Она согласилась на сотрудничество, но, помимо денежного вознаграждения, поставила условие, чтобы ее «обслуживали» горячие жеребцы, лучше парой. Пришлось пойти и на это. В отделе был статный, красивый и обаятельный грузин, который хвастался своими мужскими возможностями. На него и легла основная нагрузка по «оплате» услуг немки. Через месяц он похудел, спал с лица и начал стонать:

– Василь Степаныч. Переведи на другой объект. Не могу я с ней. Заездила меня, блондинка чертова!

– Что значит не могу? – строго смотрел на него Ясный, сдерживая смех. – Ты где работаешь? Ты это не могу оставь.

– Что немке хорошо, то грузину смерть, – с этими словами подчиненный плелся на задание – расплачиваться с агентессой.

По службе Ясному постоянно приходилось бывать с докладами у Меркулова и Берии. Если первый был вдумчивым

специалистом, то Берия в чекистских вопросах разбирался не слишком хорошо. Его это не особо интересовало. Бывало, придет Василий к нему по вызову. Нарком рассеянно выслушает. Потом вскочит, докладную в тужурку сунет:

– Мне в Кремль. К Сталину!

В поведении Берии с каждым днем все больше проявлялись кавказские деспотические черты, грубость и высокомерие. Это уже не был тот ласковый дядечка, как вначале. Он ощущал себя хозяином ведомства – именно хозяином, а не начальником. И окружающих больше считал холопами. Ходили слухи, что он страшный бабник, не пропускает ни одной юбки.

Тогда сотрудники аппарата НКВД находили время не только на работу, но и на отдых. Собирались на квартирах всем отделом. Некоторые приходили с семьями. Выпивали немножко. Слушали патефон. Все – как принято в те годы.

Бывал на посиделках и начальник итальянского отделения Шлоссербаум с женой – изумительно красивой еврейкой, на которую все смотрели с восхищением. У нее имелась сверхценная идея – получить в Москве шикарную квартиру. Тогда практиковалось, что часть квартир репрессированных шла сотрудникам НКВД. Шлоссербаумам предлагали жилье, но дама то от одной квартиры нос воротит, то от другой. Все думали, что эта песня будет бесконечной, потому что аппетиты у нее большие, а муж по служебному положению до княжеских хоро́м не дорос. И тут они получают квартиру. Какую

она хотела, то есть шикарную.

Уже позже, когда Берию арестовали в 1953 году, этот факт вошел в обвинительное заключение как пример его разложенчества. Выяснилось, что за эту квартиру Берия потребовал определенную «оплату» с женщины, и она с готовностью согласилась.

Подошел 1940 год. Василий Ясный мог подвести некоторые итоги в работе на должности руководителя подразделения. Успехи были явные, что отмечалось вышестоящими руководителями. Но недостаточные. Все понимали, что время предвоенное и оно требует более радикальных мер. Нужны были какие-то неординарные ходы. У Ясного в уме созрело несколько комбинаций – опасных, на грани фола. Но для них требовался исполнитель с идеальным знанием немецкого языка.

Он неоднократно наседал с этой просьбой на непосредственного руководителя – начальника второго отдела (то есть всей контрразведки НКВД СССР) Петра Федотова:

– Нам нужен немец. В Москве никого не найдем! Нужен сексот с периферии. Которого здесь не знают.

Федотов был человек спокойный, компетентный. Он все понимал и обещал помочь. Однажды вызвал к себе начальника отделения, обрадовав:

– Есть кандидат.

И протянул пространную характеристику с грифом «сов. секретно».

Ясный начал листать описание подвигов кандидата. И глаза полезли на лоб. Не мог разобрать, о ком все написано – о мастере оперативной работы или о конченом авантюристе.

Кандидат родился и жил в селе рядом с немецкой колонией, которую основала на Урале еще Екатерина Вторая. С детства общался с немцами. Работал с ними на заводе. Трудился лесоустроителем и с револьвером в руке несколько раз успешно отбивался от бандитских шаек. Получил судимость – какая-то темная история. Якобы разоблачил руководство в махинациях, а как дело возбудили, так его загребли до кучи. Был привлечен к сотрудничеству с органами НКВД в качестве негласного сотрудника. Сначала освещал деятельность немецкой колонии в Свердловской области. Затем стал активно использоваться в качестве агента-маршрутника при проведении оперативных комбинаций по всему Союзу. Опять загремел в камеру – заигрался во время разработки, превысил рамки полномочий и был обвинен в измене Родине. Потом чекисты решили, что он не имел злого умысла, выпустили – и снова на работу. Разведен, дома его ничего не держит.

По профессиональному уровню ему давно надлежало стать штатным сотрудником НКВД, но мешала биография с судимостью. Поэтому до сих пор использовался в качестве агента.

– Какой-то неровный товарищ, – покачал головой Федотов.

– Да, – кивнул Ясный. – Но смотрите, что написано. В совершенстве владеет немецким языком – как классическим, литературным, так и баварским диалектом. Немцы не сомневаются, что по национальности он немец.

– Это аргумент, – кивнул начальник отдела.

– И еще – делу партии и трудового народа предан.

– Ну что ж, вызываем его в столицу. Был у нас Николай Кузнецов. А будет Рудольф Шмидт. Оперативный псевдоним… Ну, положим, «Колонист».

– Если пройдет проверку, – вставил свое слово Ясный.

Глава 7
Суперагент

С кандидатом на работу в отдел Ясный встретился на конспиративной квартире на последнем, пятом этаже кирпичного дома у площади Разгуляй, рядом с заводом «Шарикоподшипник». Увидел атлетически сложенного, с хорошей выправкой, умным лицом и пронзительными глазами молодого мужчину. В нем ощущалась какая-то аристократическая порода. От него исходили энергия и уверенность в себе. Но внешность внешностью, она для разведчика важна, но есть вещи куда важнее.

Мужчина крепко пожал Ясному руку и представился:

– Николай Кузнецов.

– А я Василий Степанович. Даст бог, поработаем вместе.

– Я готов.

– Тогда слушай первое задание…

Первоначальная задача: внедриться в московскую жизнь, определить, где бывают немцы, иностранцы, начать присматриваться к этим местам.

И Кузнецов с головой окунулся в московскую суету. А за ним присматривала служба наружного наблюдения, фиксируя все контакты и проверяя, нет ли среди них подозрительных.

Время от времени Ясный встречался с Кузнецовым. И заводил разговор о том, что тому удалось узнать в столице. Поражало, что Николай моментально вписался в московскую среду и стал обрастать знакомствами. При этом давал очень емкие, вдумчивые оценки происходящему. Был эрудирован, грамотен, прекрасно владел устной и письменной речью.

Вскоре начальник немецкого отделения окончательно уверился – это именно тот человек, что ему так нужен. И пора запускать его в дело.

– Все, вступление кончилось, – сказал Ясный в очередную встречу. – Ты теперь наш спецагент с зарплатой оперуполномоченного центрального аппарата.

– Деньги – мусор, – равнодушно отмахнулся Кузнецов, хотя зарплаты в центральном аппарате были большие. – Главное, полезная работа.

– Будет тебе работа. Эта конспиративная квартира отныне твое официальное место жительства. А ты – лейтенант Рудольф Шмидт, летчик-испытатель секретного авиазавода. Твоя часть базируется на Ходынке. Военная форма и документы готовы.

Эта выдуманная лично Ясным «легенда» оказалась на редкость удачной. Летчики в ту пору относились к сливкам общества. Все государственные деятели отправляли детей в авиацию – престижно, но вместе с тем и Родину защищают. Позволялось им многое, самая свободная категория военнослужащих. А летчик-испытатель – сладкое знакомство для

любого иностранного разведчика.

Предвоенная Москва вовсе не была ни огромной казармой, где по улицам ездили черные воронки и увозили в кровавые подвалы ни в чем не виновных интеллигентов, ни сплоченным единым трудовым порывом и физкультурными парадами светлым градом победившего созидательного труда. Это был мегаполис в четыре миллиона человек, неустанно прирастающий огромными заводами, прямыми проспектами, объектами культуры. И вместе с тем блистающий фальшивой мишурой – с бомондом, золотой молодежью, ресторанной жизнью. Находилось в нем место и всякой мелкоуголовной шушере, и прожигателям жизни. Были и известные всем места, где толкались сомнительные личности, текла теневая жизнь.

К таким местам относился Столешников переулок с его ювелирным магазином, рестораном, где собирались и жулики, и дамы облегченного поведения, и валютчики, и иностранцы, многие из которых были не прочь заработать спекуляцией. Здесь был черный рынок, где можно было купить косметику, меха, чулки, продать ворованные золотые часы.

Это мельтешение – просто родная среда обитания для сотрудников НКВД. Поэтому злачные места и не прихлопывались, и глядели органы сквозь пальцы на контакты советских граждан с иностранцами. Контрразведке нужно было поле для своих комбинаций.

Вскоре Кузнецов стал своим и в Столешниковом переул-

ке, и в других подобных закутках. Завсегдатаи с любопытством смотрели на бравого летчика, который одновременно подрабатывал мелкой спекуляцией, был человеком ушлым и донельзя деловым.

Он невероятно легко заводил знакомства. Обладал магнетическим обаянием. Женщины от одного его вида впадали в транс. Так что вскоре он стал своим в этой среде. В его окружении появились посольские работники – по большей части женского пола. А потом начались и вербовки. Пока что обслуживающего посольского персонала, но лиха беда начало.

Молодой летчик становился популярным не только среди иностранцев. Он попал под колпак службы наружного наблюдения НКВД. Там его поименовали «объект Атлет» и попытались взять в разработку.

Ясный был намерен использовать нового сотрудника в куда более серьезных делах. Стало уже понятно, что к скольнибудь значимым фигурам в немецком посольстве не подступиться – слишком они плотно контролировались гестапо. А почему бы не взять крепость с черного хода – взяться за посольства стран саттелитов – Словакии и Венгрии, которые были немецким придатком.

В немецком отделении давно обратили внимание на третьего секретаря Словацкого посольства Гейза-Ладислава Крно. Была информация, что он плотно сотрудничает с немецкой разведкой. Но больше всего словака интересовали побочные заработки. Он баловался спекуляцией и контрабан-

дой. И, что важно, периодически бывал в ювелирном в Столешниковом.

Была разработана прямая, как шпала, но оказавшаяся успешной комбинация. Когда Крно вышел из ювелирного магазина, то увидел молодого человека в военной форме, который споткнулся и, чуть не упав, прислонился к стене, тяжело дыша. Словак подскочил на помощь к летчику.

– Не могу прийти в себя после катастрофы. Самолет скапотировал, – пожаловался Кузнецов.

Крно помог ему дойти до ближайшей трамвайной остановки. По пути они разговорились. И словак понял, что судьба послала ему настоящее сокровище. Оказалось, летчик скупал иностранные безделушки, которые потом перепродавал своим коллегам. Секретарь посольства тут же попытался всучить ему часы. Он ввозил их в СССР, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, и на продаже неплохо зарабатывал, скупая на вырученные деньги антиквариат и ювелирные изделия.

Ну а еще – этот случайный знакомец служил на экспериментальном авиазаводе, и тут уже взыграло естество Крно как разведчика. Он прикинул, как отчитается перед хозяевами из абвера, и у него потеплело на душе. Естественно, он был двумя руками за продолжение знакомства.

Постепенно у них установились приятельские отношения, совмещенные с успешной коммерцией. Обычно встречались на улице, излюбленное место – Измайловский парк или Цен-

тральный парк культуры и отдыха имени Максима Горького. Словак приносил несколько часов, за которые Кузнецов честно расплачивался из средств по графе «оперативные расходы», после чего приобретение оказывалось у Ясного.

Помимо коммерческих дел, приятели часто беседовали о положении в мире, политике. В ходе разговоров Крно пытался вывести собеседника на темы, касающиеся обороноспособности СССР, но чаще сам проговаривался о посольских и международных делах. Будучи человеком импульсивным и разговорчивым, он постепенно начал сбалтывать важную информацию.

Вербовку следовало подстегнуть. И Кузнецов заказал приличное количество часов, пригласив советника с ними к себе на квартиру. Тот согласился, но по приезде выглядел крайне испуганным. Ведь он серьезно нарушал правила поведения в чужой стране и подставлялся.

Сделка прошла спокойно. Крно получил деньги, не зная, что технари из НКВД фотографировали его скрытой камерой. А Ясный получил очередную партию часов, с которыми уже не знал, что делать. Ими был завален весь сейф. В конечном итоге принял решение по приказу руководства вручать их отличившимся сотрудникам.

После этого случая Крно наотрез отказался снова ходить по квартирам. Поэтому – опять встречи в парках, в ресторане «Урал»…

«Наркому НКВД СССР т. Берия Л. П.

РАПОРТ

На основании доклада начальника 3 с/о ГУГБ НКВД А. С. Панюшкина, прошу выдать ордер на арест Шмидта Рудольфа Вильгельмовича, он же «Франт», он же «Атлет», подозреваемого в несанкционированных связях с иностранцами по ст. 58–12.

Заместитель наркома НКВД
комиссар ГБ 3 ранга Масленников И. Н.».

Такая бумага пришла Меркулову от наркома, который тоже был в курсе комбинации. Железное правило – в спецслужбе каждый знает только то, что ему положено, и ни грамма больше. И Меркулов писал резолюции – не трогать, объект в стадии разработки…

Кузнецов продолжал встречаться с советником. Тот расслаблялся все больше и уже чуть ли не в открытую заявлял, что работает на разведку. Одна его речь, длинная и пространная, сводилась к тому, что он счастлив иметь такого друга, поскольку русские – очень закрытые и запуганные люди, с ними тяжело знакомиться и выуживать у них информацию.

Между тем аппетиты у контрабандиста росли. Он собирался ехать домой, и в голове его уже щелкали нули прибылей.

Когда они встретились в очередной раз в уютном ресторане в центре Москвы, Крно решительно объявил:

– Что, если я привезу побольше часов?

– Давай, – подумав, согласился Кузнецов, физически ощу-

щая, как рыба заглатывает наживку. – Возможности продать у меня есть. Больше привезешь – больше заработаем, мой добрый друг.

Словак обрадовался. И через некоторое время укатил в Братиславу на своей машине.

Стоял апрель 1940 года, сильно потеплело. Ясному сообщили, что Крно пересек границу СССР и возвращается в Москву. Близился момент истины – вербовка. А для нее нужно создать все условия. Это процесс чем-то схож с соблазнением красавицы – все должно быть тщательно продумано, подготовлено и состояться, желательно по обоюдному согласию.

В день возвращения Крно позвонил Кузнецову на квартиру, сунув пятнадцать копеек в прорезь уличного телефона-автомата, и заговорщически произнес:

– Я привез вишню.

– Сколько? – поинтересовался Николай.

– Двести грамм.

В переводе на нормальный язык это означало, что он привез двести часов.

– Надо бы встретиться, – продолжил Крно. – В Измайлово?

Все было готово для операции, но проводить ее на людях нельзя. Нужно затянуть секретаря посольства на конспиративную квартиру. И эта задача представлялась не такой легкой.

– Не могу. Я не выхожу из дома, – ответил Кузнецов. – При посадке неудачно приземлились, ногу сломал. Вон, врач ко мне ходит.

– Ты же знаешь, я не могу к тебе прийти! – с отчаянием воскликнул словак.

– Ну, значит, придется подождать месяца три, пока с меня не снимут гипс, – сокрушенно произнес Кузнецов.

От этой перспективы дипломат чуть не уронил трубку. Три месяца! А деньги?! И он решился:

– Ладно. Буду.

Ясный прихватил с собой своих самых лучших сотрудников. Перед назначенным временем они взяли под контроль вход в дом и выставились на лестничной площадке – там был закуток, будто специально созданный для наблюдения за квартирой. Потянулось томительное ожидание. Больше всего оперативника во время операций нервирует именно ожидание. Столько сил вложено, столько расчетов – а вдруг клиент не придет.

Но дипломат пришел. С пустыми руками – без сумки. Интересно, где обещанные двести часов?

Словак осмотрелся, вошел в подъезд. Поднялся наверх. Нажал на кнопку звонка.

– Иду, – крикнул недовольно Кузнецов и распахнул дверь.

Нога его была в гипсе. Добрые врачи НКВД перетянули ногу так, что он на самом деле еле ходил, и ему не нужно было играть больного – у него и так все болело.

Ясный сказал помощникам:

– Ждем десять минут. Им же нужно поговорить, расслабиться.

Через десять минут он настойчиво позвонил в дверь.

– Кто? – спросил Кузнецов.

– Дед Пихто! Вы нижнюю квартиру залили! – крикнул Ясный – это любимый трюк милиции.

Николай открыл дверь. И увидел милицейское удостоверение, которое ему ткнули в нос.

– Милиция. Начальник районного уголовного розыска. – Ясный зашел в квартиру.

– Какая милиция? – завопил Кузнецов. – Я больной и попрошу меня не беспокоить.

Следом ломанулись сотрудники, рассредоточиваясь по комнатам. Крно был в спальне.

– Мы разыскиваем скрывшегося преступника, – продолжил ломать комедию Ясный. – Кто хозяин квартиры?

– Я, – объявил Кузнецов.

– Во, ты-то нам и нужен. Разбил самолет, вредитель, думаешь тут в гипсе отсидеться? Отвечать кто будет? – Ясный кинул взгляд на Крно и подозрительно осведомился: – А вы кто?

– Да никто. Просто пришел навестить знакомого. – По-русски секретарь посольства говорил без акцента.

– Что, и паспорт у вас есть?

– В гостинице. Я приезжий.

– Тогда задержим как беспаспортного. – Ясный кивнул сотруднику: – Звони в отделение. Пусть машину присылают. У нас тут два задержанных.

– Вы что, мне не верите? – Крно начал бледнеть.

– Какой-то вы непонятный товарищ, – покачал головой Ясный и отдал команду: – Обыскать.

Оперативники начали к нему подходить. И тут нервы дипломата не выдержали. Он стал брыкаться, но, получив увесистую затрещину, сразу сник.

Интереснее всего, где у него часы?

– О как, – удивился Ясный, когда с дипломата сняли пиджак.

Талия словака была обернута кожаным патронташем, в котором лежали обещанные две сотни импортных часов.

– И что же это такое? – прищурился Ясный.

– Да так, знакомые просили передать, – пролепетал словак. – Вообще вы не имеете права меня обыскивать!

– А кто вы такой важный?

– Я дипломат. У меня дипломатическая неприкосновенность! – От отчаяния Крно решил наглеть.

– А, это другое дело, – начальник немецкого отделения подошел к телефону. Набрал хорошо знакомый Крно номер МИДа – на том конце провода сидел проинструктированный сотрудник НКВД: – Это с уголовного розыска. Мы тут дипломата задержали. Вор и спекулянт.

Неожиданно Крно подскочил к Ясному, хлопнул рукой по

рычажку телефона и начал вырывать трубку, потеряв остатки самоконтроля. Его била дрожь. Глаза затравленные.

– Слушайте, что вы делаете? Моя обязанность – вызвать представителей МИДа, – возмутился Ясный.

А советник вцепился в трубку рукой и не отдавал ее.

– Может, как-то договоримся? – проблеял он жалобно.

Ясный кивнул оперативникам:

– Пойдите, товарищи, покурите.

Когда комната опустела, он посмотрел внимательно на советника и спросил:

– Ну и чего ты хочешь, дипломат?

– Давайте прекратим это дело.

– Такие дела не прекращают.

– Но я же вижу, вам что-то надо.

– Надо… Я из контрразведки. И мы вполне можем найти общий язык, как культурные люди.

– Вы что, меня вербуете?

– Можно и так сказать.

Некоторое время словак пыхтел, потел. А Ясный тем временем излагал его незавидное будущее. Говорил про дипломатический скандал. Про то, что фотографии его задержания облетят все газеты. Ну ладно, спекуляция и нарушение правил пребывания – это максимум выдворение со скандалом из страны. Но вот то, что он, сотрудничая с немецкой разведкой, долгое время встречался с сотрудником НКВД, да еще и выдал ему немало информации за разговорами, –

это уже виселицей пахнет. Германия воевала и с предателями не церемонилась.

– А так еще неплохо и заработаешь, – затронул Ясный главную струну.

– Сколько? – Сознание Крно моментально переключилось. И у него впервые появился неподдельный интерес к происходящему – жадность все же великая сила.

– НКВД своих людей не обижает.

– А, все равно пропадать! – сказал дипломат. – Буду вам помогать.

Насчет пропадать – это он ошибся. После войны, когда будет разбор полетов – кто на фашистов работал, он объявит, что всегда был антифашистом и, ненавидя гитлеризм, пошел на сотрудничество с советской разведкой, которое продолжалось и во время войны. Так что отделается он легко.

– Что надо подписать? – спросил словак.

– Да что за игрушки? Ничего подписывать не надо, – отмахнулся Ясный. – Завтра сюда принесешь код к посольскому шифру.

Этот код позволял расшифровывать все дипломатические сообщения, в том числе немецкого посольства.

Василий нервничал. Был вариант, что Крно побежит к руководству каяться. И тогда все усилия насмарку. Но словак в назначенное время позвонил в дверь. И извлек из кармана книжку, которая и являлась желанным дипломатическим кодом.

– Только работайте быстрее, – попросил он. – Не дай бог заметят ее отсутствие.

Ясный устроился на кухне, попивая с дипломатом чай, беседуя о жизни и мировой политике и прикидывая, как его лучше использовать. А технари тем временем в соседней комнате фотографировали книжку.

Когда все закончилось, Ясный извлек из сапога девяносто долларов и протянул новому агенту. Сумма по тем временам была приличная, и Крно обрадовался неподдельно.

– Это только начало взаимовыгодного сотрудничества, – заверил начальник немецкого отделения.

И словак согласно закивал…

Глава 8
Медвежатники из НКВД

У Василия Ясного были свои вожделенные сокровища Флинта, которые он мечтал откопать. Это сейфы в кабинетах немецких атташе Кестринга и фон Баумбаха. Не раз представлял, как овладевает этими богатствами. Ну а если еще и услышать, что у них говорят на совещаниях, – так эти звуки были бы для него слаще райского пения. Но вот только особняки указанных господ были неприступными крепостями.

Но Ясный никогда не был бесплодным мечтателем. Он имел обыкновение реализовывать свои устремления.

Однажды он, посоветовавшись с начальником отдела Федотовым, собрал наиболее доверенных сотрудников и объявил:

– Готовим проникновение в логово Баумбаха и Кестринга. Слушаю ваши предложения.

Через некоторое время план броска был готов.

В то время прогресс не стоял на месте, и первым его плодами пользовался НКВД. Уже появились радиомикрофоны. Была техническая служба, которая обещала, что эта техника, установленная в нужном месте, будет давать информацию. Но пока еще ни разу ее в деле не опробовали. А пора было бы.

И вот осенью 1940 года в Хлебном переулке появилась бригада строителей.

– Авария, – объявил статный уверенный в себе прораб в засаленной рабочей одежде жильцам, заволновавшимся, что у них отключилось водоснабжение. – Все отремонтируем. Будет вам вода.

И в подвале дома начали что-то активно долбить.

Статный прораб был никем иным, как начальником немецкого отделения НКВД. А работяги – его сотрудники.

Предстояло прорыть метров семь земли и продолбить фундамент. Но как стахановцы с работой они справились ударно, за пару дней. Жителям домов пустили воду. А перед оперативниками открылся путь в заколдованный замок – особняк военного атташе.

Ясный там еще не бывал, но знал, где стоит каждый стол, где ванная и кабинет. Также ему до минуты был известен весь распорядок дня пунктуального немца.

– Сокровища Али-Бабы, – хмыкнул он, рассматривая проход.

– И мы их возьмем, – поддакнул оперативник.

Ясный на следующий день вызвал в свой кабинет на Лубянке молодого сотрудника технического отдела, отрекомендованного хорошим знатоком своего дела, и сказал:

– Ну что, инженер, посмотрим, на что годится твоя техника.

– Еще как посмотрим! – Сотрудник техотдела лучился эн-

тузиазмом. Ведь им предстояло войти в историю как первым людям, поставившим радиомикрофон в СССР.

Ночью вдвоем они пролезли в проход, старясь ступать как можно тише. Дыра выводила в кладовую дворника, немца Поволжья, давно завербованного и ждавшего гостей.

Казалось, за каждым поворотом скрывается ловушка. Но ловушек не было. Дом был в их полном распоряжении. А сам Кестринг сладко спал в спальне после трудов праведных.

Техник с видимым удовольствием вкрутил в телефон микрофон. А Ясный пристроил еще два за радиатором парового отопления.

И уже утром группа контроля, разместившаяся в доме напротив, приняла устойчивый сигнал. Система работала отлично! И информация будет идти вплоть до начала войны. Немцы так и не обнаружат сюрприз.

Следующим объектом нападения был милый старинный особняк военно-морского атташе фон Баумбаха на улице Воровского, рядом с Международным сообществом писательских союзов.

Немецкий напыщенный аристократ был сильным любителем женского пола. И это Ясный знал прекрасно. «Топтуны» следили за моряком неустанно.

Однажды немец решил отдохнуть от трудов праведных и отправился в кинотеатр «Восток», напротив его особняка, на новую советскую музыкальную комедию «Музыкальная история». Фильм ему понравился – по сентиментальности и

заряду оптимизма он очень напоминал немецкие фильмы. А тут еще на выходе после сеанса неожиданно столкнулся со смазливой девицей. Она нагнулась поправить ремешок на туфле, и он ее едва не сшиб. Последовали галантные извинения. А в жилах атташе уже закипала кровь. Очень уж девица была смазливая. Дама извинилась за свою неуклюжесть, улыбнулась ласково. И горячий жеребец голубых кровей забил в предвкушении копытом. В результате девица оказалась не прочь познакомиться с импозантным мужчиной, о роде занятий которого она, конечно же, не знала.

Вскоре фон Баумбах знал, что его новая знакомая Татьяна Зельцер работает на незначительной должности в наркомате торговли и является приверженкой свободных взглядов на отношения мужчины и женщины.

Встречи их стали регулярными. Немец, с одной стороны, конечно, общением наслаждался. Но его смущало, что подруга русская. Боялся и происков НКВД, и того, что его обвинят в связи с унтерменшами. Последнего боялся куда больше. И Ясный, узнав об этом, пошел морячку навстречу.

Вскоре появилась подружка сотрудницы Наркомторга – блондинка, чистая поволжская немка, хоть череп циркулем меряй, как было принято тогда в Германии. Истинная арийка. И зовут по-арийски – Грета.

Тут уже жеребец даже не копытом бил. У него пар из ноздрей пошел – настолько ему глянулась новая знакомая. Вскоре она оказалась в его постели. И он влюбился по-настояще-

му. Ему хотелось, чтобы она все время была рядом. И он предложил идти работать к нему в особняк горничной.

Для приличия немка поломалась: «А зачем? А что люди подумают? А я же гражданка СССР…» Но все-таки уговорил ее ариец, назначив приличную зарплату. И вскоре в особняке появилась новая горничная, по совместительству подрабатывавшая негласным сотрудником немецкого отделения 2-го отдела НКВД СССР. Ее незадолго до сказочных перемен в судьбе подтянул к сотрудничеству Николай Кузнецов.

Все в том же кинотеатре «Восток» оперативники оккупировали укромное помещение для проведения операции. И пошла работа.

Трудилась Грета аккуратно и эффективно. Она составила план дома. А однажды умудрилась выскочить из особняка и вынести ключ от сейфа атташе, который тот по недомыслию оставил в столе. Тут же оперативники сделали с него слепок. А потом специалисты изготовили ключ.

Подготовительные мероприятия операции «Игла» были проведены. И теперь предстоял точечный удар.

В один прекрасный день у Татьяны Зельцер грянул день рождения. Конечно же, она пригласила к себе своего доброго знакомого фон Баумбаха. Немца, охранявшего покои атташе, тоже утащила к себе какая-то развязная русская девица. В особняке осталась одна горничная Грета.

Стемнело. Была уже зима, подходил 1941 год. И Ясный

ежился на ветру. Он ждал. Многоходовая комбинация подходила к своему пику. И сейчас решалось – будет ли результат.

И вот на подоконнике особняка замерцала свеча. Это был сигнал – дома никого нет, можно заходить.

– Наблюдай, – приказал Ясный своему помощнику Сергею.

И бодрой походкой направился к особняку. Грета была напугана, но держалась молодцом.

– Никого нет, – сказала она и провела чекиста в кабинет. И как-то обреченно показала на массивный сейф, стоявший сзади резного письменного стола.

Вот час настал. Сейчас откроется пещера Али-Бабы!

Ясный засунул ключ в щелку замка. Попытался повернуть. Тот чуть сдвинулся. И замер – ни туда ни сюда.

Такое бывает. Когда делаешь ключ со слепка, очень трудно исполнить его как родной. Особенно если ключ такой замысловатый и техника немецкая, то есть идеальная.

– Вот же черт, – прошептал Василий.

И начал шевелить ключ, как учили мастера взлома и подкопа.

– Может, масло принести? – участливо спросила Грета.

– Подожди, – отмахнулся Ясный. Еще не хватало маслом залить ковер и оставить следы.

Он продолжил раскачивать ключ… И тот со скрипом провернулся.

Медленно распахнулась дверца.

А сокровища… Они там были. Несколько папок документов.

Ясный сграбастал их, кинул в портфель и сказал нервничающей Грете:

– Жди. И не трясись так. Все хорошо. Твоего начальника и охранника до утра не отпустят, я тебя уверяю.

В кинотеатре уже ждал техник с приготовленной аппаратурой. Торопливо, но аккуратно техник щелкал документ за документом. А Ясный ощущал, что внутри как кол стоит. Конечно, он надеялся на постельное искусство своих помощниц. Но по опыту знал – редко какая операция проходит по плану. Всегда вкрадываются случайности и неурядицы. Как сейчас с этим ключом, который еле провернулся.

– Все, – сказал техник. – Готово.

– Ты только пленку не засвети, – буркнул Ясный.

– Обижаете. Все с запасом сделано.

– Ну смотри. Мы пошли…

Снова в особняк. Аккуратно положить документы на место, листок к листку, точно на том же месте, под тем же углом, как лежали, – не дай бог что напутать. А потом еще осмотреться – не наследил ли в кабинете.

– До встречи, Грета, – сказал напоследок Ясный. – Еще заглянем. – Грета затравленно кивнула. Ее трясло. – Только не нервничай. Смотри, чтобы твой аристократ ничего не заподозрил.

– Я постараюсь, – произнесла Грета и всхлипнула.

Она смогла взять себя в руки. И явившийся утром фон Баумбах, любвеобильный и довольный, ни о чем не заподозрил.

Ясный еще несколько раз наводил ревизию в документах атташе. Его расчеты на сокровища оправдались. Там были стратегические документы, стенограммы совещаний в Берлине у Гитлера, свидетельствующие о подготовке войны против СССР. И текущие документы, проливающие свет на работу немецкой дипмиссии. Ну и на закуску – попались списки агентуры, навербованной немецкой разведкой за последнее время среди советских граждан.

Предоставленные материалы вызвали ажиотаж у руководства наркомата. Ясного вызвал Берия, страшно довольный – ему теперь было что доложить наверх. Получив все пояснения, он кивнул:

– Молодцы, конечно. Но про один момент забыли.

– Какой? – не понял Ясный.

– Немца бы этого сфотографировать на бабе. И тогда он наш.

– Сделаем.

Предложение было не лишено смысла. И открывало перспективы в работе с военно-морским атташе.

Результаты мероприятий оказались настолько обнадеживающими, что Ясный решил расширить их фронт. И сделать то, о чем давно мечтал, – взяться за посольство Словакии,

состоявшее всего из пяти человек. Один из которых – его новый агент Гейза-Ладислав Крно.

Особняк словацкого посланника располагался около Комсомольского проспекта, близ памятника Тимирязеву. И там тоже был подходящий сейф, который просто ждал своего русского первооткрывателя. И ключ к нему уже был – Крно постарался, сделал слепок.

Ясный дней десять ходил кругами, присматривался к особняку. Рядом церковь. Дальше жилые дома. Но место малолюдное. Работать в принципе можно. Но нужен человек из обслуги – Крно тут не помощник.

Подключили наружку. Изучили распорядок дня посла. Знали каждого человека из обслуги, кто бывает в особняке. Выяснилось, что там постоянно торчал один сотрудник – мастер на все руки, он и камердинер, и сторож. Человек тот был наполовину словак – наполовину русский.

За этим камердинером установили наблюдение. И вот он напился и начинал бедокурить на Киевском вокзале. Оперативники наружки подвели его под задержание железнодорожной милицией, отвели в отдел. И сообщили Ясному. Тот тут же запрыгнул за руль своей «эмки» и рванул на Киевский вокзал.

Камердинер уже чуток протрезвел и был хмур в предчувствии грядущих неприятностей. Дебоширов и алкоголиков в посольствах не держали, так что, судя по всему, ему предстоял расчет и возвращение на родину в Словакию. И роди-

на его не тянула – там хозяйничали фашисты, и вообще все было крайне плохо.

Ясный в тесной прокуренной комнате отделения милиции по Киевскому вокзалу остался один на один с задержанным.

– Слушай. Ну какой ты словак? Ты же русский, – улыбнулся чекист. – Тебе на фашистов охота работать? Хочется потерять сейчас все? А ведь я тебя могу отпустить.

– Это как? – мрачно посмотрел на него камердинер.

– Под гарантии НКВД. И под твое доброе отношение к нам… Ну что ты ощерился? Денег заработаешь. От неприятностей себя спасешь. И фашистам каверзу сделаешь. Соглашайся. Другие варианты куда хуже. Мы тебе много неприятностей можем доставить.

Камердинер задумчиво и мрачно посмотрел на него:

– Я же принеси-подай. Ничего не знаю.

– А нам много не надо.

Камердинер дал расписку о сотрудничестве с НКВД. И на связи у Ясного появился еще один агент. Можно было приступать к операции.

Стали нового агента использовать по отлаженной схеме: сначала, чтобы он привык к новому статусу, легкие задания – доложить, когда посол приходит, уходит, распорядок дня, с кем встречается. Агент потихоньку втягивается, ему даже интересно становится информировать о руководстве, появляется ощущение, что приобщаешься к чему-то большому, а заодно делаешь пакость осточертевшему начальству.

Через две недели Ясный объявил ему:

– Вот в гости к тебе решил заглянуть. Когда посла не будет.

Агента перекривило. Но возражения не принимались.

И вот настал день экспроприации. Рядом с особняком подготовили помещение с техникой – чтобы переснять документы. Ясный пригласил к себе милиционера, охранявшего здание посольства. Довел до него задание партии и правительства. Договорились, что милиционер стоит на стреме, в случае чего должен подать сигнал, ну а если совсем плохо будет, то обязан прийти и под видом представителя власти навести порядок.

Поначалу все шло как по маслу. Посол празднично оделся для похода в Большой театр. Московская театральная жизнь тогда ценилась очень высоко. И пропускать премьеры было признаком дурного тона.

Камердинер открыл двери опустевшего особняка. И Ясный прошел внутрь. Поднялся в кабинет. И облизнулся – перед ним был вожделенный сейф. А в его кармане был ключ.

На этот раз ключ повернулся мягко. Как влитой. Дверь сейфа открылась. И Ясный уже приноровился загрести документы в свете фонаря – при этом тщательно запоминал, где и в каком порядке все лежало, чтобы вернуть на место.

Тут и послышался предупредительный крик. Милиционер подал сигнал, означавший опасность. Оказалось, посол то ли что-то забыл, то ли раздумал идти в театр и вернулся.

И что делать? Через парадное не выскочишь – там посол. В окно не выпрыгнешь – на нем решетка. А уже шаги слышны. Кто-то поднимается по лестнице. И что главное – сволочь такая, идет прямо к кабинету.

Ясный спрятался за портьеру в тщетной надежде, что его не заметят. Только портьера была короткая и ноги в сапогах сорок третьего размера никак скрыть не могла.

Посол, насвистывая и пребывая в хорошем настроении, зашел в кабинет. Включил свет. И тут свист пропал.

На миг словак застыл, пытаясь переварить увиденное и прийти в себя от такой наглости. А потом с каким-то возмущенным визгом разогнался и ударил ногой по бедру контрразведчика.

Ясному было очень больно. Но он сдержал стон и стойко продолжал стоять.

Посол примерился, куда бы еще врезать побольнее. Но тут появился милиционер и завопил возмущенно:

– Стоять! Ах мерзавец, по посольствам решил шарить! Квартир мало, ворюга!

Приехала машина из местного отделения. Повели родимого, руки ему за спину.

В милицейской конторе быстро сообразили, что к чему. И стали судить-рядить, что делать. В итоге милиционеры составили документы на рецидивиста Белова, застигнутого при совершении преступления.

А на следующий день в «Московской правде» появилась

статья, как обнаглели поганые ворюги, что уже по посольствам лазают.

Скорее всего, посол все понял. Но сделать ничего не мог.

Василию потом во сне снился этот сейф. Интересно, какие сокровища были там? Жалко, конечно, но его ждали другие дела. Время сжималось в пружину и текло все быстрее. Было ощущение больших событий впереди.

Глава 9
Тучи сгущаются

Ясный продолжил усиленно окружать фон Баумбаха. У него была мечта – завербовать этого спесивого любвеобильного фашиста. И вот наконец начала складываться вербовочная ситуация, притом достаточно крупнокалиберная, чтобы завалить такого лося.

Фон Баумбах пустился во все тяжкие. Те девицы, которых под него подвели, буквально сводили его с ума. И он стал делать непозволительные ошибки.

Однажды от своей очередной подружки он получил предложение – а не хочет ли он повеселиться с двумя подругами сразу. Конечно же, он хотел.

Оргия была намечена на квартире в центре Москвы. Ясный заявился на соседнюю квартиру, где проживало тихое еврейское семейство. Конечно, приходу сотрудника НКВД они, мягко сказать, не обрадовались, даже испугались.

– Нам нужна ваша квартира на пару дней, – сказал начальник отделения.

Отец семейства затравленно посмотрел на него и произнес:

– Да за ради бога. Лишь бы вы не решили предоставить нам свою квартиру с решетками!

Хозяев переселили в гостиницу. От щедрот из статьи на оперативные расходы еще насыпали немножко монет, так что семейство было счастливо – пожили в гостинице, заработали, да еще живы остались.

А в их жилище расположилась группа технарей. Готовилась съемка эпического порнографического фоторепортажа.

На конспиративной квартире, предназначенной для разврата, висела картина с просверленной дырочкой. Через нее и пялился на безобразие объектив.

Час настал. На столе выпивка, деликатесы. Фон Баумбах расслаблен, весел в предчувствии порочного удовольствия.

Хватанул немец рюмочку за счет НКВД, заел чекистскими деликатесами и кинулся раздевать ближнюю к нему девицу. Та для порядка взвизгнула. Захохотала. Сделала вид, что отбивается. Но вскоре уже была полностью обнажена и готова к употреблению.

– А ты пляши! – пьяно крикнул немец второй женщине.

Вскоре все уже были в костюме Адама и Евы. И аристократа потащили в ванную.

– Вот же незадача! – воскликнул смотрящий в объектив технарь.

– Не бойся, – успокоил его Ясный. – Девочки знают, что им делать.

Девочки действительно знали. Мокрого и чистого военно-морского атташе привели в комнату, прямо под объектив.

И началось такое – не опишешь в словах…

Поручение наркома было выполнено. Федотов принес Берии результаты оперативных трудов в виде пачки фотографий. Нарком был с утра смурной, чем-то встревоженный. Однако посмотрев фотообвинение немецкого фашизма, тут же приободрился. Дурного настроения как не бывало. Кивнул:

– Ну-ка, давай ко мне Ясного.

Когда Василий зашел в кабинет, обычно мрачный Берия рассматривал фотографии и хохотал. При этом причмокивал:

– Ну ты посмотри, какая талия у этой девчонки. А какое бедро. Ну королева!

Потом Берия сгреб все фотографии в сторону и уже серьезно произнес:

– Хорошая работа. Действуйте дальше.

– Есть…

Конечно, порнофотографии – слабоватенький предмет для вербовки. Они могли погубить карьеру объекта, но не жизнь. А то и вообще амурное приключение могло остаться безнаказанным для жертвы – как уж вожжа под хвост его руководству попадет. Советский персонал за границей всегда натаскивали – попались с девками, так придите, повинитесь. Аморалка – это не предательство.

Но козыри у советской контрразведки были куда серьезнее. Ведь выходило, что Баумбах завел шашни с хоть и прекрасными, но все же представительницами НКВД. Его пове-

дение привело к изъятию важных секретных документов. Да еще можно было комбинацию провести, убедить немцев, что он сам за деньги свои документы фотографировал и передавал русским.

Ясный был уверен – еще немножко, и военно-морской атташе у него в кармане.

Немножко. Вот только этого немножко у них и не было. Близилась война. И не видеть это было невозможно…

Неотвратимо двигались часовые стрелки, перемалывая секунды в минуты, часы и дни. Последние дни мирной жизни.

С каждым днем у Василия крепло убеждение – война на пороге.

За последние три месяца почти в три раза увеличилось количество немецких посольских работников. Создавались совершенно надуманные должности: одних атташе было – со счету собьешься. Военный, морской, лесной, по коммерческим делам, черт-те еще какие. Вокруг каждого атташе помощники, сотрудники, свой аппарат. Естественно, уровень разведывательной деятельности вырос в разы. Притом действовали немцы безоглядно и нахально, бесстыдно лезли к военным секретным объектам, выезжали за пределы Москвы. Обнаруживали их даже во Владивостоке. Всех их приходилось контролировать, сил не хватало. Но самых отпетых задерживали, выдворяли из страны. На их место приезжали новые сотрудники разведки.

10 июня 1941 года все члены семей немецких дипломатов были отправлены в Германию. В самом посольстве 16 июня стали жечь документы. Здание располагалось рядом с Моссоветом на улице Станкевича. Там все окрестности были в дыму. Горело и днем и ночью. И с каждым днем все интенсивнее. Доходило до того, что местные жители обращались в Моссовет с жалобами на дым. Но с немцами не связывались и ничего им не предъявляли.

Словак Крно буквально по дням сообщал, как идет переброска немецких войск из Балкан к границам СССР.

Потом от одного из агентов Ясный получил сообщение, что посол Германии в Москве граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, который с 16 по 20 июня был в Берлине, встречался там с Гитлером. Фюрер донес до него, что принято решение начать войну против России. Осторожный Шуленбург ответил, что «пока что рано, не стоит обострять отношения». Гитлер в бешенстве вскочил, схватил недавно подаренную ему хрустальную статуэтку коня и швырнул на пол перед послом.

Группа контроля засекла разговор, сброшенный микрофоном в особняке военного атташе. Кестринг собрал всех своих сотрудников в кабинете и торжественно отчеканил:

– Наступает время. В ближайшие дни мы совершим то, к чему так долго готовились. Агентуру консервируйте.

Он поставил задачи по организации диверсий в тылу русских. По всему получалось, что война начнется 22 июня…

По каждому факту Ясный писал соответствующие рапорта. Что с ними было дальше, он не знал. Слышал лишь, что новый заместитель Берии Кобулов, получая их, в обычной своей грубой форме бросал:

– Да все это фигня!

Внешняя разведка тоже доносила сведения о начале войны. Рихард Зорге прямо информировал об этом. К военным в Белоруссии в ночь с 20 на 21 июня перебежал солдат вермахта с сообщением: готовится нападение. Однако где-то наверху фильтровали информацию для Сталина. Тот болезненно относится к возможности схлестнуться с Германией, зная, что СССР не готов к схватке с таким противником. Отсюда и требования «не поддаваться на провокации».

Голиков, начальник военной разведки, зная такое отношение Сталина, всячески его успокаивал – мол, немец на нас не пойдет. Успокаивал его и Гитлер, посылая телеграммы, что все сведения о концентрации войск на границе с СССР – это английские провокации, на самом деле идет плановая переброска воинских частей в Югославию.

18 июня из немецкого посольства выехала группа работников на двух «Мерседесах» – человек шесть. Они двинули в сторону Харькова. Наружку они постепенно срисовали, решили оторваться и свернули на проселочную дорогу. Оперативники НКВД продолжили преследование. Около безымянной сопки немецкие и русские автомобили остановились друг напротив друга. Пассажиры вышли из машин. Посмея-

лись вместе. Понятно, что операция у немцев сорвана. Потом «Мерседесы» развернулись и двинули в сторону Москвы. Что хотели – неизвестно. Но видно было, что немецкая разведка приступает к активным действиям.

20 июня, в пятницу вечером, Ясный собрал своих сотрудников и объявил им:

– Всем быть на квартирах. В готовности выдвинуться. В выходные начнется война…

Глава 10
22 июня, ровно в 4 часа

Воскресенье Ясный проводил с семьей, на служебной даче в Химках. Старшая дочь уже ходила в школу, младшие должны были пойти в следующем году.

Он очень ценил этот нечастый отдых с семьей. Но в этот день его не отпускало тревожное чувство, и домочадцы видели, что он не в духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.